

Н. С. АРСЕНЬЕВ

**Второй Ватиканский собор¹ и его значение
(с точки зрения православного наблюдателя) ***

1

На Втором Ватиканском соборе (1962–1965 гг.) произошло чрезвычайное много важного не только для самой Католической Церкви, но и для всего христианского мира, более того — и для духовной жизни современного человечества. Самое важное, конечно, это то горение Евангельской проповедью о Спасении, уже явившемся, уже данном всему миру, и в пришествие в мир Сына Божия. Церковь должна идти и проповедовать всему миру, не пренебрегая теми, которые сами кажутся решительными противниками этой веры и которые тем не менее, может быть, более всего нуждаются в ней. Но для того, чтобы иметь силу для *свидетельства* об этом Спасении, данном нам, Церковь (как и отдельные христиане) должна быть в постоянном духовном напряжении и горении и росте и подвиге и постоянно очищать и исправлять и освящать жизнь своих членов и всю свою деятельность силою Духа Божия. С этим связаны меры для упорядочения и очищения внутренней жизни Церкви.

В лице его двух главных верховных руководителей — пап Иоанна XXIII и Павла VI — и его главных деятелей и двигателей изнутри — таких как кардинал Беа, архиеп. Малинский и Брюссельский Сюененс, епископ Брюгге Де Смет, архиеп. Кельнский кардинал Фрингс, архиеп. Венский кардинал Кениг, еписк. Страсбургский Эльхингер, маронитский архиеп. Бейрутский Зиадэ и др. — Собор сознательно и последовательно проводил одну *основную линию* (не-

---

* Я старался внимательно следить за главными фазами деятельности Собора, насколько это было мне возможно, но присутствовал я — в качестве «наблюдателя» или, вернее, «гостя» — только в течение первых недель 4-й сессии (т. е. осенью 1965 г.). Статья эта в более краткой форме напечатана в феврале 1966 г. в журнале «Возрождение».

смотря на противоречие меньшинства, иногда довольно сильного) или, вернее, был *захвачен* одной основной Реальностью, превосходящей по значению и самый Собор, и саму Церковь: той Реальностью, по отношению к которой Церковь является лишь служанкой и свидетельницей, — прорыва Божия в мир в лице Единородного Сына Своего для спасения мира. Другими словами, основная задача Собора была понята им как *проповедь заново* того же самого неизменного первохристианского апостольского благовестия: о спасении мира, совершившегося во Христе. Таким образом, вдохновение Собора прежде всего общехристианское, миссионерское. Он обращается ко всем людям — не только к католикам и к другим христианам, но и к верующим и неверующим, ко всему миру, в значительной степени утратившему веру в Бога и вместе с тем, несмотря на все головокружительные технические достижения, глубоко несчастному, ибо потерявшему смысл и цель и радость бытия. И этому миру, потрясенному в глубине своего бытия и стоящему на краю пропасти, провозглашает он с неожиданной силой раннехристианского миссионерского порыва *победу Вечной Жизни*, явившуюся во Христе, осуществленную во Христе. Так, в вступлении к важнейшему, пожалуй, из опубликованных Собором документов — «*Constitutio de Ecclesia*»² (декрет о Церкви, принятый Собором в окончательной редакции в ноябре 1964 г.), прежде всего *христологического* характера, говорится об откровении Вечной Жизни во Христе и о действии Духа Божия.

Самый язык и способ изложения этого документа не похож на обычные схоластические тексты учебников богословия, полные логических определений, разделений и подразделений, от которых веет засохшим гербарием, или параграфами юридического трактата, нет, это — язык живой проповеди, от которой веет духом Нового Завета. «Христос — Свет миру» — так начинается этот документ о Церкви.

И вот, Его спасение, данное Им, Церковь призвана проповедовать всему миру. «Он — Начаток, Первенец из умерших... через величие Своей силы Он владычествует над всем небесным и земным и через все превосходящее совершенство и действием Своей силы Он все тело исполняет богатством славы Своей» (ср. Еф. 1: 18–23; 3: 16; Кол. 1: 11; Рим. 14: 9).

Точно так же и в другом документе «Пастырские постановления о Церкви в современном мире» («*Constitutio pastoralis de Ecclesia in Mundo hujus temporis*»), принятом Собором в окончательной редакции 7 декабря 1965 года, подчеркивается, во вступительной части, чувство глубокой растерянности и неуверенности, охватившее современного человека, несмотря на все огромные, кажущиеся

совершенно невероятными, технические и научные достижения, а отчасти даже в прямой зависимости от них. Человек пробудил силы и возможности, с которыми сам, может быть, не в состоянии справиться; он приобретает власть над окружающим миром и все больше теряет ее над самим собой. Он озадачен, ошеломлен невероятным ускорением темпа исторического развития, а смысла и цели и направляющей силы не видит. «Часто охвачен он мучительным раздумьем о смысле всей этой эволюции современного мира, о месте и назначении человека во вселенной... наконец, о конечной цели всего существующего, в частности, и человека». Он «часто проявляет все большую неуверенность в самом себе». Все яснее открывая постепенно законы социальной жизни, он, однако, остается «в нерешительности, в какую сторону ее направить». «Нависает также опасность войны, имеющей уничтожить все до основания».

Люди поэтому, «колеблясь между надеждой и страхом, спрашивают себя: куда устремляется ход событий? и подавлены беспокойством»... Несмотря на все большую захваченность человека внешними материальными заботами и достижениями, «все увеличивается теперь число людей, которые с новой остротой ставят себе ряд основных жизненных вопросов: что есть человек? в чем смысл страдания, зла и смерти, которые продолжают существовать, несмотря на все внешние достижения? что следует за этой земною жизнью?» Этим мучительным недоумениям противопоставляется благая весть, которую Церковь призвана принести миру — о Христе и о спасении во Христе.

«Верует Церковь, что Христос, умерший ради всех и воскресший, дает человеку Свет разума и силу и что нет иного имени под небесами, которым человек мог бы спастись» (ср. Деян. 4: 12). Верует она также, «что во Владыке ее и Учителе — ключ, центр и цель всей истории человечества». «Поэтому этот священный Собор, собранный вместе в Духе Божиим, пламенно желает (*vehementer exoptat*) всех людей просветить Светом Христовым, проповедуя Евангелие всей твари». «В Нем — во Христе — Отец предизбрал нас еще до создания мира и предназначил нас к усыновлению, ибо Ему было благоугодно все обновить во Христе (ср. Еф. 1: 4–5, 10)... Своим послушанием Христос осуществил наше искупление». Христос пришел на землю «проповедовать нищим, исцелять сокрушенных сердцем (Лк. 4: 18), взывать и спасти погибшие». И Церковь должна со всей любовью снисходить ко всем страждущим и испытываемым, «в бедных и страждущих видит она образ Того, кто основал ее и Сам был бедным и страждущим и стремится в них послужить Христу». Христос был без греха, но пришел искупить наши грехи, «Церковь же

в собственном теле своем содержит грешников — Она одновременно святая и постоянно вместе с тем нуждается в очищении, она постоянно идет по пути покаяния и духовного обновления». Христос есть единственный Посредник. Он — Глава Тела Церкви. «На Нем, как основании, воздвигнута Церковь апостолами и пророками, от Него она получает крепость и слитность (*firmitatem et cohaesionem*)». От своего Владыки и Главы должна Церковь учиться смирению и смиренному служению, смиренно она должна шествовать по Его стопам. «Хотя Церковь и нуждается в человеческих средствах, чтобы выполнить свое посланничество, но она поставлена не для того, чтобы домогаться земной славы, но чтобы провозглашать, и притом на собственном примере, смирение и жертвенность (*humilitatem et abnegationem*)». Церковь — в этом мире, но она не вполне от мира сего: «Церковь, между гонений со стороны мира и утешений Божиих, шествует своим странническим путем и провозглашает смерть и крест Господни, доколе Он не придет (см. 1 Кор. 1: 26)... Но силою Воскресшего Господа (*virtute autem Domini resuscitati*) укрепляется она... Она живет присутствием Духа Божия, дающего ей силу внутреннего роста и очищения и освящения, но в смирении и трепете» (*Constitutio de Ecclesia*).

С этим миссионерско-апостольским порывом — проповедовать неверующему и страдающему миру великое сокровище Благой Вести, сочетается теснейшим образом в речах и постановлениях Собора острое и мужественное сознание необходимости постоянного внутреннего усовершенствования — нравственного напряжения, духовного роста и очищения самой Церкви согласно словам апостола Павла (Еф. 5: 27). На них особенно любил ссылаться папа Иоанн XXIII — тот, который стал духовным отцом этого возрождения «соборности» в Католической Церкви. Церковь должна стараться быть достойной той Благой Вести, которой она является носительницей. Со страхом и трепетом должна она совершать свое служение. Она призвана к святости; свят Дух Божий, живущий в ней; свят ее Глава и Владыка — Господь Иисус Христос, но сама она на земле состоит из слабых и грешных людей, призванных тем не менее к святости — к постоянному процессу очищения, покаяния и возрастания силою Духа. Об этом с большой силой говорили оба папы Второго Ватиканского собора — Иоанн XXIII и Павел VI и ряд выдающихся членов Собора, например: кардинал Сюненс, архиепископ Горицийский (Италия) Андреа Панграцио, архиепископ Виннипегский (Канада) Флахиф, епископ Эйзенштадтский (Австрия) Стефан Ласло и др. (См., напр., избранные речи членов Собора: *Discours au concile Vatican II, édités par Yves Congar, Hans Küng et Daniel O’Hanlon, Paris, 1964, Editions du Cerf.*)

В этом постоянном напряжении и «делании» духовном, в этом процессе постоянного покаяния, очищения и нравственного напряжения и освящения силою Божией папа Иоанн XXIII видел и залог восстановления единства среди христиан. Если все христианские Церкви и группы будут охвачены этой жизнью подвига, жизнью освящения Духом Божиим, то мы придем к единству. И таким образом с этой второй целью Собора — возрождение и очищение внутренней жизни самой Католической Церкви — органически соединилась и непосредственно из нее вытекающая третья цель — идти по пути к единению всех христиан, готовить грядущее единение всего христианского мира. Под этим углом зрения должно в первую очередь рассматривать всю деятельность Второго Ватиканского собора: миссионерская проповедь Евангелия миру, внутренние реформы Католической Церкви и шаги в сторону единения христианского мира. Что удалось Второму Ватиканскому собору достигнуть на этом пути?

2

Особенно значительное, центральное место в деяниях Второго Ватиканского собора занимает документ о Церкви. В нем явственно выразились все три вдохновлявшие Собор цели, указанные выше, и вместе с тем этот документ стал официальным — и очень ярким — выразителем тех устремлений к *соборному* началу в жизни Церкви, к «соборному» характеру ее структуры, которые проявились в идеологии многих руководящих кругов католичества со времени объявления папой Иоанном XXIII в 1959 году о намерении его для блага Церкви созвать Собор. Эти тенденции уже существовали (так, напр., в писаниях Конгара), но были подавляемы, должны были запрятаться в глубину, не могли свободно проявляться. «Динамичность» и «органичность» жизни Церкви как единого великого Тела Христова, охватывающего всех верных в одном потоке благодатной жизни, встает с чрезвычайной силой перед нами из этой «Конституции о Церкви». Это не документ сухой, а некое живое молитвенное созерцание Тайны Божией, раскрывающейся в пришествии Христа и осуществляемой в Его Церкви, которая есть новая, совместная наша жизнь во Христе, совместное водительство Духом Святым, жизнь совместного нашего роста духовного и освящения нашего силою Духа. Эта совместность в росте духовном силою Духа Божия (как показано апостолом Павлом в Посланиях Ефесянам и Колоссянам, к Римлянам и в I Коринфянам) и составляет основу того, что мы называем «соборностью» в жизни Церкви, о чем так вдохновенно писал А. С. Хомяков. Вот духом этой соборности полон и рассматриваемый

нами документ — когда он говорит о веянии Духа Божия в Церкви, о высоком призвании в Церкви и мирян как носителей того же Духа и членов Тела Христова, не «подданных» только. И вся концепция иерархического строя Церкви также носит на себе печать соборности, соборной жизни. С определенностью и силой подчеркивается соборная ответственность всего епископата в управлении Вселенской Церковью.

Епископы как преемники апостолов имеют харизму, ответственное призвание не только к управлению и пастырскому руководству собственной своей епархией, но именно они разделяют друг с другом и с папой ответственность и за всю Церковь Христову в ее совокупности, — точка зрения, замалчивавшаяся или недостаточно признававшаяся в течение многих веков в истории католичества.

Эта соборная ответственность епископов в управлении Вселенской Церковью сочетается, согласно этому документу, с исключительной ролью папы в Церкви. Власть папы как преемника Петра, «Председателя апостольской коллегии», основоположна, согласно этому учению, для жизни Церкви, и епископы могут осуществлять свои полномочия в Церкви только в неразрывном единении с Римским престолом. Таким образом, основное католическое воззрение на значение папской власти сохранено, но характерно и значительно для данного текста некое внесение «*соборно-епископского*» элемента в общую схему управления Церкви. Это и ново и не ново; новизна в этой силе удара на значение коллегиально-епископского начала в жизни Церкви. Правда, все это обставлено оговорками, чтобы не было впечатления, что этим подчеркиванием соборно-общецерковного значения епископата уменьшается духовная компетенция и власть папы. Так, 16 ноября 1964 года, за день до окончательного голосования на третьей сессии этого декрета о Церкви, была роздана всем членам Собора некая, исходящая от высших кругов Церкви, «предварительная справка» («*nota praevia*»), посвященная, по-видимому, только уточнению терминологии в вопросе о «власти епископов». В этой справке говорится, что вместо слова «власть» (*potestas*) нужно применительно к епископам лучше употреблять слово «функция» (*munus*), ибо они обладают сами по себе, через епископское посвящение, только потенциальной властью (вот куда ворвалась схоластика!), которая становится актуальной только при теснейшем единении их с папой — главой епископской коллегии (в качестве преемника апостола Петра) и друг с другом. Эта «*nota praevia*» не была поставлена на голосование на Соборе, а прибавлена к актам Собора высшей церковной властью. Таким образом, весьма ограниченные и скромные утверждения «Конституции о Церкви» касательно коллегиальной

власти епископата в неперменном единении с папой как главой коллегия были еще более ограничены.

Несомненным разочарованием для ряда католических богословов, настроенных «соборно», и еще большим разочарованием для православных (а также для англикан и верующих протестантов) явилось то, что в конце декрета о Церкви Второго Ватиканского собора целиком вставлена вся формула о папской непогрешимости, провозглашенная Первым Ватиканским собором в 1870 году. Нельзя было, конечно, ожидать отказа от этого ватиканского догмата 1870 года, но можно было ожидать (и многие надеялись на это), что это, лишь недавно догматизированное, учение Католической Церкви будет формулировано другими словами в несколько смягченном виде, а главное, что будет изменено особенно неприемлемое для православных выражение «*ex sese et non ex consensu Ecclesiae*» — постановления папы, произносимые «*ex cathedra*», «не подлежат исправлению» «*сами по себе, а не с согласия Церкви*». Эта последняя формулировка неудачна, по-видимому, и с католической точки зрения: об этом свидетельствуют разные толкования (от самых крайних до более умеренных; в католическом богословском мире теперь господствуют умеренные толкования).

И в католических кругах многие надеялись, что она будет заменена другой, более ясной. Эта более ясная формулировка была бы, вероятно, вместе с тем и более умеренной, ибо соответствовала бы, вероятно, более умеренным, господствующим теперь, толкованиям. Это был бы, несомненно, некоторый шаг, приближающий несколько больше католическое учение о Церкви и ее иерархической структуре к православному. Но этого не произошло, к сожалению. Может быть, и не могло произойти. И так уже некоторое тесно сплоченное меньшинство Собора (приблизительно 400 его членов против 1900) с опаской и недоверием смотрело на этот декрет о Церкви, видя в нем умаление прав папы. Если бы была затронута еще и самая буква догмата о папской власти и непогрешимости, провозглашенного Первым Ватиканским собором, то могло бы, может быть, теперь произойти некоторое болезненное церковное разделение. Католическая церковная власть, включая и большинство епископата, эту опасность усмотрела и решила ее избежать.

Но как бы то ни было, религиозный подъем в духе истинной соборности, который говорит из многих постановлений Собора и многих речей его членов, настолько велик и подлинен, что можно этот Собор считать одним из самых замечательных и плодотворных явлений духовной жизни нашего времени. (С точки зрения восстановления в большей мере соборного начала в Католической Церкви значитель-

но решение Павла VI (принятое им в сентябре 1965 г.) создать совет епископов при папе.) Эта охваченность духом апостольской проповеди о спасении во Христе, обращенной к страждущему и находящемуся под угрозой гибели миру, это обращение и к неверующим, это стучание во все двери, это стремление подойти ближе к современному человеку и понять его в его надеждах и нуждах, в его исканиях истины и вместе с тем в его заблуждениях и отчаянии, и пожалеть его, вспоминая слова Учителя и Господа: «Я пришел взыскать и спасти погибшее»; это чувство солидарности в основной Святыне и в том же едином Господе и Владыке с прочими христианами — все это черты какого-то религиозного подъема, начавшегося в мире с большой силой и носящего явственные черты первохристианского опыта, первохристианской проповеди о спасении *всему миру*, открывшемся во Христе. Это предполагает очищение и освящение проповедующего. А это ведет к Единству во Христе.

Через постоянное свое устремление духовное к Начальнику Веры и Источнику Жизни — Господу Иисусу Церковь Католическая сближается и с другими христианами, живущими из того же Источника Жизни. Особенно же естественно сближение с Православной Церковью, о которой Собор отзывается в декрете «De Oecumenismo» с величайшим сочувствием и теплотой. Там мы читаем: «На Востоке обретаются такие богатства той духовной традиции, которая особенно выражение нашла себе в монашестве. Ибо там, начиная со славных святоотеческих времен, процвела та духовная жизнь монашества, которая оттуда распространилась и на Западные страны... Поэтому усиленно советуем (*enixe commendatur*), чтобы католики почаще обращались к сим духовным сокровищам Восточных Отцов (*ad has spirituales Patrum Orientalium divitias*), которые возводят человека в его целостности к созерцанию Божественного мира (*quae hominem totum ad divina contemplanda evehunt*)».

Далее говорится: «Всем известно, со сколь великой любовью (*quanto cum amore*) Восточные христиане совершают священную литургию, особенно же евхаристическое служение — этот источник жизни Церкви и залог грядущей славы (*prasertim celebrationem eucharisticam, fontem vitae Ecclesiae et pignus futurae gloriae*). Таким образом через совершение Евхаристии в отдельных поместных Церквях воздвигается и растет Церковь и через сослужение обнаруживается их единство». «Так как Церкви сии, хотя и разъединенные с нами, обладают истинными таинствами и, прежде всего, силой апостольской преемственности, Священством и Евхаристией, через которые они теснейшим родством объединяются с нами и доныне (*quibus arctissima necessitudine adhuc nobiscum conjunguntur*), то некое общение в таинствах, при

благоприятных обстоятельствах и с одобрения власти церковной, не только является возможным, но даже желательным (*quaedam communicatio in sacris, datis opportunitis circumstantiis et approbante auctoritate ecclesiastica, non solum possibilis est, sed suadetur*)». Принципиальное значение этого последнего параграфа несомненно очень велико и показательно.

Семена единства во Христе уже брошены и возрастают. Брошены они уже подвигом и мученичеством русской исповеднической Церкви под игом большевиков и пробудившимся раннехристианским, близким к нам по духу настроением среди многих протестантских кругов Германии и вообще Центральной Европы, особенно после Второй мировой войны. И Второй Ватиканский собор, несмотря на все человеческие недочеты и недостатки его, в общем, глубоко назидательной и поразительной деятельности и несмотря на то, что он не смог преодолеть некоторых печальных сторон наследия Первого Ватиканского собора 1870 года, явился перед глазами всего мира — и католического, и общехристианского, и внехристианского, и верующего, и неверующего, — носителем неожиданных потоков духовной динамики — динамики сострадания и одухотворенного служения любви.

И это есть веяние Духа, того Духа, Который может преодолеть человеческие преграды и привести к единству всех, кто охвачен и будет еще охвачен той Вечной Жизнью, что пришла в мир и раскрылась миру.

Моя аудиенция у папы Иоанна XXIII

Папа Иоанн XXIII был великий праведник, смиренный и охваченный порывом жертвенной любви — *служением любви*. Самые первые его выступления после избрания его конклавом: как он выбрал себе имя «Иоанн» из особой любви и почитания к апостолу любви — Иоанну Богослову, как он был добр, смирен и приветлив и прост в обращении, как он стал ходить пешком по улицам Рима без всякой охраны, и особенно как он стал говорить о внутреннем перерождении христиан, об их духовном росте как необходимых предпосылок к единению — все это все больше возбуждало мое восхищение (это чувство возбуждал он, как известно, во многих и многих людях). При случае в разговоре с одним приятелем, очень видным католическим